
КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

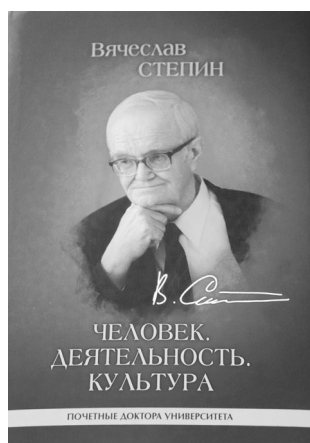

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

ВАЖНО, ЧТОБЫ РАБОТА НЕ ПРЕКРАЩАЛАСЬ...¹

IMPORTANT THAT THE WORK IS NOT ENDED...

Презентация книги В. С. Стёпина состоялась 3 апреля 2018 г. на факультете философии и социальных наук БГУ с участием автора и гостей – ректора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП) члена-корреспондента РАН, доктора культурологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской

Федерации А. С. Запесоцкого; шеф-редактора журнала «Философские науки» Х. Э. Мариносяна; профессоров, преподавателей, научных сотрудников университетов и научных учреждений г. Минска; студентов и аспирантов факультета философии и социальных наук БГУ.

В своем представлении книги читателям (в тексте-предисловии) А. С. Запесоцкий сказал: «Вячеслав Семенович Стёпин в моем восприятии – инопланетянин. Хотя не исключаю, что речь идет о космическом разуме, облюбовавшем для себя земную оболочку». Мне, в свою очередь, кажется, что В. С. Стёпин похож на героя произведения П. Козьмо «Алхимик», который понял таинственную силу, указывающую человеку, как воплотить свою судьбу, и сделал вывод: «На этой планете существует одна великая истина: когда ты по-настоящему чего-нибудь желаешь, ты достигнешь этого, ведь

такое желание зародилось в душе Вселенной. И это и есть твое предназначение на Земле. И только когда человек осознает, что достоин того, за что он так страстно боролся (т. е. своей мечты. – С. III.), он становится орудием в руках Господа, и ему открывается смысл его пребывания здесь, на Земле»². О том, что В. С. Стёпин так думает, живет и творит, можно судить по заключительным словам его интервью профессору И. Т. Касавину, которые вынесены нами в название данных размышлений (см. с. 740).

Книга В. С. Стёпина хранится как выдающаяся научная и библиографическая ценность в Научной библиотеке им. Д. А. Гранина СПбГУП в ряду публикаций лауреатов звания «Почетный доктор университета» и достойнейших людей современной России, таких как Дмитрий Лихачев, Жорес Алферов, Даниил Гранин, Георгий Свиридов, Альберт Лиханов, Наталия Дудинская, Борис Эйфман, Наталья Бехтерова, Андрей Вознесенский, Эльдар Рязанов и др. Со дня презентации эта книга стала также и достоянием библиотеки факультета философии и социальных наук БГУ, как подарок автора нашим читателям. Именно поэтому высказанные одним из выступающих слова о том, что для белорусов В. С. Стёпин – гордость, слава и пример обретения своей судьбы, восприняты как выражение общего мнения.

Новая книга В. С. Стёпина богата по содержанию и значительна по объему. Она состоит из 14 глав, объединенных в две части, и третьей части «Работы разных лет. Интервью». Тем, кто приступает к ее освоению, по моему мнению, следует начинать не с первой, а с третьей части. Прежде всего

---

¹Размышления над новой книгой академика РАН, Почетного профессора Белорусского государственного университета В. С. Стёпина «Человек. Деятельность. Культура», изданной в серии «Почетные доктора Университета (СПбГУП)» в 2018 г.

²Козьмо П. Алхимик / пер. А. Богдановского. Киев ; М. : София : Гелиос, 2003. С. 4.

полезно прочитать все три интервью «По гамбургскому счету» (интервьюер Н. Н. Шульгин), «Важно, чтобы работа не прекращалась» (интервьюер И. Т. Касавин), «Интеллектуальная биография ученого. Фрагменты жизни и творчества» (интервьюер Ж. В. Комарова). Это позволит составить представление о ходе работы автора – от первого замысла по критическому анализу современного позитивизма к расширению тематики в области философии науки: от основания науки, идеалов и норм научного исследования, научной картины мира, реконструкции научной теории, теоретического знания, типов научной рациональности и так далее до философской антропологии, истории и философии медицины, техногенной цивилизации, социогуманитарного знания, программирующих функций культуры, интеллигенции и власти, науки и религии и др. Самостоятельное значение и большой интерес представляют статьи В. С. Стёпина об А. С. Пушкине, композиторе Е. А. Глебова, философе и социологе М. К. Петрове. Особенно социологически важен текст о М. К. Петрове, являющийся предисловием В. С. Стёпина к книге «Петров М. К. “Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода”». В. С. Стёпин поддерживает идею М. К. Петрова о наличии у человека двух типов кода – генетического и социального (социокода) и отмечает: «В своих работах я не раз подчеркивал, что социокод, надстраивающийся над биокодом, оказывает на него обратное воздействие, определяет границы возможного проявления программ биологической регуляции человеческих поступков (действие инстинктов самосохранения, питания, половой инстинкт регулируются в обществе мировоззренческими установками, принятыми в нем нравственными и правовыми нормами). Закрепление, хранение и трансляцию “по социокоду” программ социальной регуляции определяют такие аспекты функционирования культуры, которые обозначают как социальную память и традицию» (см. с. 567).

Сегодня идеи и творческая деятельность вызывают интерес не только у философов, но и в широких кругах общественности, интеллигенции, называемой все чаще когнитариатом, а также у всех креативно мыслящих и действующих самоактуализированных личностей, как их классифицировал Абрахам Маслоу. Работы В. С. Стёпина читают философы, физики-теоретики и другие естествоиспытатели, антропологи, культурологи, историки, юристы, политологи, а также такие представители практических видов деятельности, как психологи, учителя, врачи. И не просто читают, а осваивают и часто стараются применять открытия автора в работе. Поэтому несмотря на то, что сам акаде-

мик себя называет (идентифицирует) профессиональным философом, его справедливо можно считать великим современным мыслителем.

Для социологов первостепенное значение имеют следующие вопросы: какой вклад своим творчеством внес В. С. Стёпин в современную теоретическую социологию? какие его идеи могут и должны быть реактуализированы в настоящее время? что из разработок автора по проблематике структуры и динамики научного знания имеет смысл использовать в социологической науке?

О взаимодействии философии и социологии писал еще Э. Дюркгейм, который, как известно, являлся философом по базовому образованию, но активно защищал научную самостоятельность социологии и ее независимость от философии. Не доводя полемику до прямого конфликта, Э. Дюркгейм признавался своему ученику и последователю Ж. Дави: «Отойдя от философии, я стремлюсь к тому, чтобы к ней вернуться, вернее, я все время возвращался к ней самой природой вопросов, с которыми сталкивался на своем пути»³. Нет сомнения, что с этим согласились бы все социологи первых поколений, получивших в высших учебных заведениях базовую специальность по философии. В. С. Стёпин, отвечая на вопросы Н. Н. Шульгина: «Что из сделанного Вами в философской науке Вы считаете для себя самым значительным? Что Вы особо выделили?», – отметил ряд новых результатов. Из них можно выделить те, которые имеют социологический смысл и значение, излагая их, по возможности, в авторской формулировке.

1. В. С. Стёпин пишет: «Мне удалось в то время сформулировать исходные идеи целостной концепции структуры и динамики научного знания, которую я затем развил в последующие годы. В качестве исходной единицы анализа выступала не отдельно взятая теория, а знания научной дисциплины, рассмотренные в качестве сложной, исторически развивающейся системы. Стратегии формирования знаний при таком подходе представляли как исторически изменчивые» (с. 619). Нет сомнения в том, что предложенная В. С. Стёпиным целостная концепция структуры и динамики научного познания была создана на основе деятельностного подхода и охватывала не только естествознание, но и социогуманитарные науки. В теоретической социологии первую концептуализацию исторического процесса как смены общественных формаций осуществили К. Маркс и Ф. Энгельс. Она действительно опиралась не на ту или иную отдельно взятую теорию, а на знания научной дисциплины, первоначально – социальной философии, позже – теоретической социологии. В ней общество рассматривается как особый тип тотальности – как человечество, т. е.

³Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и предназначение / пер. и сост. предисл. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. С. 321.

социетальная (глобальная) система, целостность которой передается человеческой активностью, преемственными связями между поколениями, наследующими опыт и все многообразие достижений предшественников. Автор убедительно доказывает, что предложения элиминировать формационную теорию (или весь марксизм) в высшей степени контрпродуктивны, хотя отдельные лица и направления давно и упорно настаивают на этом. Однако, во-первых, это сделать невозможно: слишком глубоко вошли в общественное сознание многие плодотворные мысли марксизма; а во-вторых, мировая общественная мысль, безусловно, заинтересована в том, чтобы такие идеи сохранялись и поддерживали когнитивное разнообразие. Поэтому, в отношении к марксизму главная задача состоит в том, чтобы путем переосмысления, в том числе и критического анализа, сохранить все ценное в марксизме для будущего. Как показал В. С. Стёпин, формационная теория должна быть дополнена анализом культуры, необходимо осуществить взаимопроникновение (конвергенцию) формационных и цивилизационных идей, рассмотреть возможные аксиологические изменения высшей стадии техногенной цивилизации (современного капитализма) и др.

Стоит упомянуть, что В. С. Стёпин справедливо отметил, что жизнеспособные общественные организмы не строятся, а растут естественным эволюционным путем. Отсюда следует вывод: «Вырабатывая новые мировоззренческие идеи, философия вносит мутации в сложившиеся стереотипы культуры, тем самым формируя новые возможности ее развития». На это интервьюер полухитливо заметил: «Теперь понятно, почему говорят, что философы “мутят воду”. <...> На самом деле это мутации, вносимые в культуру!» (с. 616).

У К. Маркса есть сравнение человека с пчелой, которая своим искусством построения ячеек поспрашивает некоторых архитекторов: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в голове... т. е. идеально»⁴. Развивая эту мысль К. Маркса, В. С. Стёпин пишет: «В деятельности человека, которая представляет собой преобразование объектов в соответствии с поставленной целью, ценностно-целевые структуры не являются вторичными по отношению к результатам преобразующей деятельности. Скорее, наоборот, цель как идея, как образ возможного результата предшествует результату (состоянию объекта, возникающему как продукт деятельности). Идея реактивного самолета, выраженная в чертежах и расчетах, первична по отношению к каждому конкретному самолету, построенному по этим расчетам и чертежам. И если

бы вдруг из памяти современного человека исчезла эта идея, то можно гарантировать, что исчезли бы и все реактивные самолеты, они просто разрушились бы со временем. Но если допустить обратное, что вследствие некоторого катаклизма вдруг были бы уничтожены все самолеты, однако в культуре сохранились бы их идея и соответствующие разработки, то можно не сомневаться, что самолеты были бы построены. Выходит, что идеи, которые программируют деятельность, вовсе не вторичны, а первичны по отношению к создаваемым в деятельности вещам. Значит, совсем не глупые мысли развивали Платон и Гегель, когда говорили, что мир идей предшествует миру вещей, что вещи есть опредмеченные идеи. Это справедливо по отношению ко всей созданной человеком искусственной природной среде (неорганическому телу цивилизации), которая возникает только благодаря деятельности людей, как продукт этой деятельности» (с. 429).

Важно учитывать тот факт, что прикладная социология широко использует данные идеи в эмпирико-социологических исследованиях разных видов человеческой активности. При этом культурные программы, приобретенные в ходе индивидуальной жизнедеятельности операционализируются с помощью терминологической сетки, включающей цели и ценности, мотивы и стимулы, антиципации и опережающее отражение, установки и стереотипы и т. д.

2. Значительным вкладом в логику и методологию науки явилась разработанная В. С. Стёпиным схема реконструкции уже осуществленных научных разработок. Безусловно, попытки осмыслить, понять ход мысли исследователя, ответить на вопрос о том, как было сделано научное открытие, предпринимались всегда. Правда, ответы носили обыденно-наглядный характер и якобы соответствовали здравому смыслу. Так, утверждалось, что Архимед открыл закон плавучести тел, купаясь в ванной; а Ньютон закон всемирного тяготения – благодаря упавшему ему на голову яблоку и т. д. В. С. Стёпин фактически провел реконструкцию собственного хода исследования. Его заинтересовала проблема функционирования и генезиса в составе теории образцов решения задач. Он пишет: «Согласно Куну, эти образцы выступают важнейшим компонентом парадигмы. Но было неясно, как они возникают и включаются в состав теории. Мне удалось выяснить их структуру и затем показать, как они формируются. Но для этого необходимо было учесть одну важную операцию построения теории, которая вообще не была зафиксирована в западной философии науки. Эта операция была открыта мною и работавшими со мной физиками при исследовании процедур построения современ-

⁴Маркс К. Капитал: в 3 т. М.: АСТ, 1956. Т. 1. С. 182.

ных физических теорий, а затем мы ее проследили и на классических образцах. Ее мы назвали конструктивным введением абстрактных объектов...» (с. 619–620). Характерно замечание автора о том, что механику Ньютона ему не удалось реконструировать по той причине, что в своих трудах Ньютон формулировал заключительные выводы, не давая детального описания последовательности отдельных шагов.

В социологии этот прием используется не только для перестройки и переориентации текстов, но и для реконструкции самой социальной реальности, ее объектов, сфер, подсистем, институтов и т. д.

К выдающимся достижениям в области философии науки относится исследование В. С. Стёпиным проблемы генезиса и функционирования в составе теории образцов решения задач. Первой и весьма успешной реконструкции подверглись знаменитые уравнения Максвелла. В. С. Стёпин вспоминает: «Мне показалось естественным попытаться выяснить, как создавалась классическая теория электромагнитного поля. Сразу после стажировки в Москве я стал обсуждать эту проблему со Львом Томильчиком. Я нашел в моем старом друге очень хорошего союзника, которому также были интересны эти сюжеты. Его давно интересовало, как Максвелл открыл уравнения электромагнитного поля, и мы занялись анализом максвелловских текстов. К счастью, получилось так, что выбор материала оказался исключительно удачным. У Максвелла было несколько промежуточных публикаций до того, как он изложил уже в окончательном варианте свою теорию электромагнитного поля (у него были по крайней мере две крупные промежуточные публикации). И мы начали анализировать в исторической последовательности эти публикации, пытаясь восстановить ход максвелловской мысли» (с. 655–656). Завершив свою реконструкцию, исследователи выяснили, что уравнения Максвелла были получены как закономерный итог последовательных обобщений ранее созданного в электродинамике набора частных теоретических схем и законов. Позже В. С. Стёпин провел реконструкцию теорий неклассической квантово-релятивистской физики и, обобщая полученные данные, писал: «Сами тексты научных теорий, которые оставили их творцы, – это и есть тот эмпирический материал, который подлежит осмыслению и исторической реконструкции. Реконструкции – это особый тип знаний, который, как я думаю, вообще необходим для исследования исторически развивающихся систем, это особый тип теоретического знания, который присутствует и в методологии науки, и не только в методологии, но везде, где речь идет об исторических объектах. Исторические реконструкции позволяют выяснить, как такие объекты возникают и развиваются» (с. 665–666).

Академик констатирует: «Концепция динамики науки была разработана на материале физики. Естественно, возникал вопрос, насколько можно переносить эту концепцию на другие области знания. Я не сомневался в возможности такого применения, поскольку концепция была сформулирована в общей форме, в логико-методологическом языке, выходящем за рамки философии физики» (с. 691). Первыми данную концепцию использовали аспиранты и докторанты кафедры философии гуманитарных факультетов в своих исследованиях под руководством автора, на основе материала биологии и социальных наук. Позже В. В. Казютинский на практике применил представления об изменениях картины мира, идеалов и норм науки при анализе революции в астрономии, а В. В. Чешов – при анализе технического знания. В. Г. Горохов выявил специфику теоретических схем в технических науках, их классические и неклассические образцы. В начале 1980-х гг. «на передний план в философии науки стали выходить проблемы социокультурной детерминации научного познания. <...> В моих исследованиях они возникли как естественное следствие анализа оснований науки. После выяснения роли социокультурных факторов в развитии научных картин мира, в развитии идеалов и норм науки главное мое внимание было направлено на анализ философских оснований науки и их связи с культурной традицией» (с. 693).

3. Анализируя роль культуры в формировании человеческой социальности, В. С. Стёпин сконструировал определенную схему (модель) социума, включающую три взаимодействующие подсистемы. Первая – неорганическое тело цивилизации: искусственные органы человеческой деятельности. Вторая – природа, созданная им, двухкомпонентная телесность человека (биологическое тело (организм) плюс искусственные органы как продолжение и дополнение естественных органов человека). Данная схема – это все многообразие человеческих отношений, коллективных и групповых, образующих макро- и микроструктуру общества. Третья подсистема – это культура, т. е. наличие в обществе сложноорганизованной совокупности информационных кодов, хранящих и транслирующих надбиологические программы человеческой жизнедеятельности. Культурная программа любой деятельности включает в себя цели, ценности, знания, навыки и прочее, что должно стать достоянием субъекта. Такие программы могут трансформироваться преемственно в виде образцов, знаний, предписаний, верований, мировоззренческих установок и т. п.

Предложенную модель правомерно отнести скорее к культурсоциологии, чем к социологии культуры или к социальной философии. Не случайно известный белорусский культурсоциолог В. Л. Абушенко писал: «Не лишним в этой связи будет от-

метить, что проблематика культуры как предмета специального изучения не была эксплицирована у Маркса (что отметил и Стёпин. – *С. III.*) точно так же, как у Конта, а позже и Дюркгейма. Однако уже такой представитель австромарксизма, как М. Адлер, сформулировал задачу изучения социальных факторов становления, функционирования и развития культурных феноменов (прежде всего ценностей и соответствующих им норм) рассматриваемых, в свою очередь, в аспекте их определяющего воздействия на социум и социальные взаимодействия (Адлеру принадлежит и заслуга самого термина «социология культуры»)»⁵.

Тем не менее приходится признать, что ни неомарксизму, ни другим направлениям – культурологическим, социологическим и другим – не удалось раскрыть роль культуры в формировании человеческой социальности. Причины очевидны: такие направления не анализировали основания науки, а следовательно, не могли адекватно применить такие конструкты, как картина мира (в данном случае – картина социальной реальности), ценности и нормы научного познания, мировоззренческие установки (универсалии).

Так, В. С. Стёпин поясняет, как он работал в проблематике культуры. Отталкиваясь от «очень хорошей», по его словам, книги А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры», он искал системообразующие факторы и вскоре понял, что ими могут быть смыслы мировоззренческих универсалий. Так возникла идея о том, что структурные элементы культуры есть то, что обеспечивает селекцию жизненного опыта и включение его в поток культурной трансляции. На примере категории справедливости, которую люди чаще всего не дефинируют, а показывают на образцах, он понял, что есть не только осознанные, но и неосознанные жизненные смыслы. В совокупности эти смыслы «фиксируют шкалу ценностей, обеспечивают понимание мира, его осмысление и переживание. Человек всегда эмоционально переживает вопрос о справедливости или несправедливости – это оценка, а значит, предполагает ценность. Эти универсалии задают, во-первых, способы селекции человеческого опыта, они как бы отбирают, что попадет в поток культурной трансляции. Во-вторых, они образуют категориальный строй сознания людей той или иной исторической эпохи. И наконец, в-третьих, в своем сцеплении и взаимодействии они задают обобщенный целостный образ человеческого жизненного мира. Этот образ выражает отношение человека к природе, обществу и духу (сознанию). Он определяет миропонимание, мироосмысление и миропереживание (мироощущение) людей той или иной культуры в определенную историческую

эпоху. И тогда появляется наш любимый философский термин – «мировоззрение»» (с. 707).

Анализ универсалии культуры неизбежно и логично вел исследование В. С. Стёпина к двум важнейшим философско-социологическим проблемам:

а) кодирования накапливаемого жизненного опыта;

б) типологии человеческих цивилизаций.

Что касается первой из них, то В. С. Стёпин отмечает: «Я видел рациональное и в формационном, и в цивилизационном подходах. <...> В своих функциях в социальной жизни система универсалий культуры предстает предельно обобщенной программой, обеспечивающей воспроизводство определенного типа общества, своего рода геномом социальной жизни. Все сложные саморазвивающиеся системы (биологические объекты, социальные объекты) должны содержать внутри себя особые структуры, которые кодируют опыт предшествующего взаимодействия системы со средой и управляют реакциями системы на новые воздействия. В биологии опыт приспособления организмов к среде фиксируется в их наследственном коде. Совокупность таких кодов – это генофонд жизни в разных ее вариантах» (с. 725–726).

В общественной жизни аналогом такого генофонда является культура, причем основания культуры, представленные мировоззренческими универсалиями, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. Кроме биологических, генетических программ, представленных геномом человека, у него есть еще надбиологические и социальные программы, эти два типа программ сложным образом взаимодействуют. Программы второго типа – это система нравов, традиций, привычек, образцов деятельности, предписаний, знаний, которые хранит культура. Весь этот сложно организованный набор программ существует благодаря особой структуре, которая выступает и функционирует как своего рода геном социальной жизни. Эта структура представлена мировоззренческими универсалиями, пониманием того, что есть человек, общество, личность, природа, пространство и время, что есть свобода, справедливость, совесть, честь, труд и т. д.

Представление о биологической эволюции учитывает влияние двух факторов – мутаций генного аппарата и последующего естественного отбора. Если рассмотреть развитие общества под этим углом, то функции естественного отбора выполняет развитие производства и экономики, а мутации генного аппарата социальных организмов в этом случае являются изменением мировоззренческих универсалий культуры. Происходит такое изменение благодаря появлению новых видов деятель-

⁵ Абушенко В. Л. Основания культурсоциологии. Избр. труды. Минск : Беларуская навука, 2016. С. 154.

ности, которые до поры до времени укладываются в старую структуру жизненных смыслов, но по мере развития могут выходить за эти рамки и порождать противоречия. В подобные эпохи прежние универсалии культуры как программы воспроизводства социальной жизни уже не обеспечивают ее воспроизводство во всех необходимых вариациях, они подавляют нужные для общества виды деятельности. И тогда начинается эпоха критики прежних мировоззренческих установок и жизненных смыслов.

Далее автор лишь компаративно называет отдельные черты традиционных цивилизаций, но основное внимание сосредоточивает на анализе техногенной цивилизации. Он отмечает следующие ее признаки:

1) постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только в производстве, но и в социальном управлении, коммуникациях, логистике, инфраструктуре, быте;

2) выступление технологических новшеств в качестве приоритета, ядра культурно-генетического кода. Инновации самоценны и предполагают улучшение качества жизни;

3) приоритетное значение ценности преобразующей, креативной деятельности;

4) особое понимание власти не только как влияния на человека, но и как власти над объектом.

Техногенная цивилизация дала человечеству множество достижений, но она привела его к глобальным кризисам. Человечество оказалось перед угрозой самоуничтожения. Экологический

и антропологический кризисы, растущие процессы отчуждения, изобретение все новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью всему человечеству, – все это побочные продукты техногенного развития. И поэтому сегодня стоит вопрос: можно ли выйти из этих кризисов, не меняя базисной системы ценностей техногенной культуры?

Отвечая на этот вопрос, В. С. Стёпин полагает, что «эта система ценностей должна трансформироваться. Очевидно, что придется изменить наше отношение к природе, выработать иное понимание целей человеческой деятельности, чем то, которое представлено фундаментальными мировоззренческими установками техногенной культуры. Не исключено, что человечеству предстоит духовная революция, сопоставимая с той, которая была в эпоху Возрождения и Реформации» (с. 735).

К сожалению, невозможно в краткой рецензии затронуть и осветить все, что вносит в социологическую науку своим творчеством В. С. Стёпин. Однако отмеченного достаточно для того, чтобы признать его неоспоримый вклад в методологию и социологическую теорию. Книга, без сомнения, будет пользоваться большой популярностью, особенно у молодых ученых, она поможет им выстроить истинно научное и социологическое мышление. Хотелось бы также, чтобы читатели переняли и жизненный опыт автора в выстраивании своей судьбы.

С. А. Шавель⁶

⁶Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси.

Sergei A. Shavel, doctor of sciences (sociology), full professor; principal researcher in the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus.

E-mail: d-v-nazarova@yandex.by